

A futuristic space scene featuring a planet with prominent rings, possibly Saturn, viewed from a distance. A bright, glowing light source, likely a star or a distant galaxy, is positioned behind the rings, creating a lens flare effect. The scene is set against a dark, star-filled background. The overall color palette is dominated by deep blues, greens, and yellows. The text is overlaid on the scene in a yellow, serif font.

Владимир Микульский

НЕБЕСНАЯ ИГРУШКА

Владимир Микульский

Небесная игрушка

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Микульский В. В.

Небесная игрушка / В. В. Микульский — «ЛитРес: Самиздат»,
2012

Земля и Внеземелье, современность, прошлое и будущее. А также любовь и ненависть, возвышенное и низменное, доброе и злое. Отвага и мужество против трусости и бессердечия. Жажда жизни и неординарные решения и судьбы. Все это отражает содержание одиннадцати рассказов этой книги.

© Микульский В. В., 2012

© ЛитРес: Самиздат, 2012

Небесная игрушка

1

Первой у купальни ее обнаружила маленькая И-и, бесстрашно носящаяся где можно и где нельзя и этим доставляющая немало хлопот своей степенной маме.

– И-и, не носись так быстро, – не раз увещевала ее мама, – и не убегай далеко от дома!

Однако, разве можно остановить этим маленькую расшалившуюся проказницу? Вот и сейчас она снова сбежала от очередных наставлений строгой матушки напрямик к берегу озера, где и обнаружила нечто новое. Быстро обследовав это новое, И-и стремглав бросилась к отцу.

– Папа, пойдем, я тебе покажу свою новую игрушку!

– Не приставай, я ведь занят, – недовольно пробурчал тот, однако отвязаться от И-и было не так-то и просто.

– Я первой нашла игрушку, и – чур – она будет моей, а то все всегда достается этим И-ру и И-те! Пойдем, ну, пап, это недалеко, у купальни!

И-ру и И-те были ее братьями, один на два, а другой на три года старше самой И-и, и, с ее точки зрения, всегда и во всем ущемлявшими ее, первыми захватывающими все самое интересное, что удавалось обнаружить, утверждающими, что все вокруг принадлежит только им двоим. Исходя из этого, И-и и старалась застолбить свое право первооткрывательницы.

Чертыхнувшись про себя, отец отправился вслед за дочкой.

На берегу, немного не достигая самого озера, лежало нечто бесформенное, снизу более широкое, сверху более узкое, серебристого цвета, размерами с четверть самой И-и.

– М-да, – сказал папа, обойдя это нечто вокруг, – совершенно непонятная вещь, да и как ты будешь с ней играть? Она ведь большая для тебя... Давай-ка мы все же, для порядка, позовем сюда маму и решим, что нам с этим делать.

Вскоре мама вместе с гостившим у них в это время дедушкой были уже у новой игрушки И-и. А вслед за ними примчались и любопытные И-ру и И-те.

– Откуда это здесь взялось? – удивилась мама, подойдя поближе, – и что это такое?

Может, оно свалилось с неба? – предположил дедушка, вызвав этим взрыв смеха у присутствующих сорванцов.

– Ха-ха, игрушка с неба! – потешались они, – мы сейчас всем будем рассказывать, что у И-и появилась игрушка с неба! Вот умора! Лучше выбросить это куда-нибудь подальше!

И они, весело смеясь, а на самом деле остро завидуя И-и, сделав вид, что потеряли интерес к происходящему, помчались прочь.

– Не говори ерунду! – сердито сказал дедушке отец, – где ты видел, чтобы такое падало с неба? Занялся бы лучше чем-то полезным. Все лучше, чем болтать по пустому, а то от безделья к вам всякие глупые мысли лезут...

Отец имел в виду собрание стариков, куда в последнее время зачастил дедушка, проводя там время за спорами на всевозможные темы, частенько не имеющими отношение к действительности. Дедушка обиделся и замолчал.

– Может, действительно выбросить это куда подальше? – с сомнением спросила мама.

– Ну, не плачь, – остановил готовую расплакаться от обиды И-и отец, – правда, никто из нас никогда не видел такой странной вещицы... Впрочем, – на правах хозяина дома заключил он, – вреда от нее, я думаю, для тебя не будет. Пускай себе лежит здесь. И будет считаться твоей игрушкой.

И-и радостно пискнула и тут же, забыв поблагодарить, унеслась прочь сообщать подружкам, что у нее появилась новая, только ее, игрушка.

– По крайней мере, – добавил отец в сторону мамы и дедушки, – теперь она хотя бы некоторое время не будет убежать далеко от дома...

Спустя какое-то время И-и и две ее самые близкие подружки, О-о и У-у, были уже возле новой игрушки.

– Вы умеете сохранять тайны? – спросила подружек И-и,

– Конечно! – в один голос ответили заинтригованные подружки.

– Тогда поклянитесь, что никому не скажете ту тайну, что я вам сейчас расскажу!

– Клянемся! А что ты расскажешь?

– Эта игрушка живая!

– Не может быть! – удивленно хором воскликнули подружки, – а с чего ты это взяла?

– Я никому из взрослых не сказала это, иначе они отобрали бы игрушку, – ответила И-и, – когда я ее нашла, она тихо время от времени жужжала.

– Слушайте, а, может быть, сама живая игрушка находится там, внутри, под этим серебристым верхом? – осмотрев игрушку внезапно предположила более старшая и, соответственно, более опытная О-о, – ведь мы делаем иногда домики для своих игрушек.

– Правда, – подхватила У-у, – может, у твоей игрушки просто домик сверху, а она в нем прячется. Давай попробуем снять его.

– Ты что? – заволновалась И-и, – еще ломаем ее!

– Ничего не ломаем, мы тихонько, – подхватила совет подружки О-о, – совсем чуть-чуть, ну давай!

– Ладно, но только чуть-чуть, – сдалась И-и под дружным напором подружек.

– Тогда зацепим с трех сторон и тихонько потянем на себя, – предложила О-о.

Подружки осторожно вцепились в серебристые, оказавшиеся удивительно мягкими, складки и потянули их в разные стороны. Они поддались, но вдруг что-то мелькнуло, и перед изумленными подружками вместо большой игрушки остался всего-навсего небольшой серебристый комочек. Игрушка исчезла. Лишь на поверхности остались два ряда странных рубчатых следов, идущих куда-то в сторону.

Маленькая И-и, осознав, что игрушка потеряна, горько заплакала. Не менее ошарашенные подружки, как могли, пытались утешить ее.

– Ну, не плачь! Пойдем поищем, куда она могла сбежать! – сказала О-о.

– А следы ведут по берегу нашего озера, – добавила У-у, – побежали по ним!

– Давайте прежде искупаемся, – предложила О-о.

– Может, сначала игрушку догоним? – всхлипывая, спросила И-и, которой не терпелось найти и поиграть с новой игрушкой.

– А куда она денется? Купаться! – решительно объявила О-о, – погода – ну просто прелесть! Правда, жарковато немного, охладимся в озере!

Небо было, как и ранее, девственно чистым и черным, одна большая и четыре маленьких луны висели над горизонтом. Теплый слабый ветерок воздуха, смеси азота и метана, в полмиллиона раз более разреженного, чем на Земле, еле чувствовался на берегу.

– Приготовились, – смеясь, скомандовала О-о, – кто быстрее?

2

... Джон Рэдклифф, начальник управления «Плутон» Центра управления полетами, казалось, вообще перестал спать ночами. Его жена первое время пыталась как-то успокоить мужа, вселить в него уверенность или хотя бы как-то отвлечь его чем то другим, но с каждым днем сделать что-либо в этом направлении было все труднее и труднее. Он похудел, глаза ввалились и покраснели, голос стал хриплым, а и без того непростой характер совсем испортился. Он в огромных количествах поглощал кофе и взрывался по любому поводу или даже без него. Сотрудники его отдела понимали своего начальника. Они тоже работали, не покладая рук, практически дневали и ночевали на рабочих местах, но – увы – исправить ничего не могли.

Зонд, отправленный много земных лет назад для исследования двойной планеты – Плутона и его крупнейшего спутника Харона, имел дополнительную важную цель – высадить на поверхность Плутона лабораторию, не стационарную, а мобильную, последнее слово земной техники. Она представляла собой прямоугольный корпус на шести больших рубчатых металлических колесах. Сложная начинка корпуса – система внутреннего подогрева и энергоснабжения, питаемая небольшим ядерным реактором, внешняя защитная оболочка-термостат, необходимость периодически скрывать внутри корпуса некоторые агрегаты, которые должны были работать периодически, но могли выйти из строя от действия чудовищного холода, царившего на планете, наконец, двигательная система лаборатории, запитанная все от того же реактора – несмотря на все старания конструкторов, обусловили некоторую громоздкость конструкции. Внешне лаборатория напоминала собой большой внедорожник на шести колесах, не уступая ему своими размерами. Собственная автоматика и заложенные программы предоставляли лаборатории достаточную степень автономности.

Без приключений преодолев миллиарды километров, отделившись от зонда, лаборатория направилась к своей конечной цели.

Учитывая разреженность атмосферы, исключаящую посадку под куполом парашюта, конструкторы придумали оригинальную систему посадки, превратив лабораторию в большой надутый мяч.

Скрытая в накачанной азотом шарообразной оболочке, похожая на гигантский надутый шар, и, в сущности, будучи им, упав на поверхность Плутона, она запрыгала, как мячик. С каждым прыжком взлетая все ниже и ниже, шар, наконец, просто покатился по ледяной поверхности и затем окончательно остановился у подножия какого-то холма. Система стабилизации повернула лабораторию колесами вниз, и именно тогда произошла та неожиданность, которая поставила экспедицию на грань провала. Сдувшаяся внешняя многослойная оболочка не сбросилась, как это было задумано конструкторами. И она уже не позволила ни развернуться системе антенн связи с зондом, ни работать ни одному из нескольких имеющихся в наличии манипуляторов.

Слабенький сигнал телеметрии лаборатории, отправленный с помощью внутрикорпусной небольшой антенны, с большими искажениями принятый зондом, через четверть земных суток все же дошел до адресата. Сотрудникам управления стоило больших трудов по обрывочным данным понять, что же случилось со спускаемым аппаратом. К их чести, надо признать, им удалось понять, что случилось с далекой лабораторией, но причину случившегося установить все же не удалось. Как не удалось найти и способ сорвать проклятую оболочку. Такого казуса ни разу не случилось при сотнях земных испытаний.

Вот тогда управление «Плутон» и перешло практически на военное положение, превратившись в сплошное совещание без перерывов. Снова десятки раз прогонялся сброс оболочки-шара оставшегося на Земле аналога лаборатории. И снова ни одного сбоя. Что же случилось там, за миллиарды километров? Ответа не было.

По командам с Земли время от времени включались моторы выдвижных манипуляторов в попытках сорвать оболочку. Все было напрасно. После многочисленных безуспешных попыток реанимировать лабораторию даже самым оптимистично настроенным сотрудникам Центра управления полетами стало понятно, что она потеряна безвозвратно. Приближался день, когда о провале исключительно дорогостоящей экспедиции надо было объявлять официально. Вот тогда Джон и перестал спать ночами, перебравшись жить в свой кабинет, изредка подремывая в каком-либо кресле, но и в дреме снова и снова в тысячный раз анализируя ситуацию в поисках выхода.

Каково же было всеобщее удивление, когда кружащийся вокруг Плутона зонд вдруг прислал полный набор телеметрии с пропавшей лаборатории. По распоряжению Джона оператор осторожно взял управление вдруг удивительным образом ожившим спускаемым аппаратом на

себя. Первой же командой, поступившей на лабораторию, была команда осмотреться, провести круговую панорамную съемку и провести анализ почвы.

Хотя все в управлении, в том числе и сам Джон, знали, как долго придется ждать ответного сигнала лаборатории, за каких-то полчаса все сотрудники управления – и те, кто уже сдал смену, и те, кто был на выходных – собрались в конференц-зале у огромного, на всю стену, монитора. Другого места, чтобы вместить всех желающих, просто не было. Еще через час их число существенно выросло за счет руководства Центра управления полетами. Никто никуда не уходил, в зале стоял негромкий гул от вполголоса обменивающихся впечатлениями людей.

Ожидание ответных сигналов, казалось, растянулось на неделю.

Уже было за полночь, когда, наконец, в наступившей полной тишине настолько взволнованный, что еле держащий себя в руках Джон вышел из аппаратной, подошел вплотную к экрану и остановился лицом к нему. Находившиеся в помещении люди вскочили с мест и тесной толпой сгрудились у него за спиной. И картинка на экране изменилась.

Замершие люди, затаив дыхание, смотрели на отличного качества снимки поверхности – вид чужого далекого мира. А на фотографиях, в общем-то, не было ничего особенного. Неподалеку возвышался высокий холм, вокруг лаборатории находилось несколько бесформенных камней, самые крупные из которых были раза в три больших самой лаборатории, далее видны были горы. А сам спускаемый аппарат находился на большом ровном плато, покрытом, по результатам первых же анализов, сделанных заработавшими манипуляторами, азотным льдом. Несколько небольших угловатых камней, судя по всему, отколовшиеся от находившегося рядом большого валуна, придавливал край злосчастной оболочки. Видимо, по счастливой случайности, падая, камни зацепили и сдвинули ее, позволив манипуляторам лаборатории наконец-то освободиться.

Некоторое время царил полная тишина, а затем стены содрогнулись от восторженных воплей присутствующих, и в воздух взлетел подброшенный множеством рук теперь уже счастливый Джон Рэдклифф...

С учетом того, что на каждую команду и ожидание ответной реакции аппарата вместе уходила без малого половина суток, вывод внезапно ожившей лаборатории за пределы каменной россыпи, в которой он находился, занял две недели. Выведя ее на чистое пространство, Джон облегченно вздохнул и, задав направление на ближайший горный хребет, доверился собственной автоматике лаборатории и дал команду включить автопилот. Аппарат отправился в путь, медленно, ощупывая сенсорами окружающее пространство, время от времени останавливаясь для анализа очередных образцов почвы, оставляя за собой четко отпечатывающийся на льду рубчатый след.

А первую панорамную фотографию поверхности Плутона Джон распорядился распечатать, заключить в раму и в виде картины повесил у себя в кабинете так, чтобы она всегда была у него перед глазами. И, оставаясь с картиной наедине, он часто пристально вглядывался в камни, холмы и далекие горы, словно пытаясь разгадать изредка мучавшее ощущение, что мимо него прошло что-то важное, не замеченное ни им, ни кем-то другим...

3

... Скорость передвижения земного аппарата, несостоявшейся небесной игрушки И-и, была очень небольшой, но это по земным меркам. А вот для юных плутонианок она была чрезвычайно большой, запредельной. Они просто не замечали так быстро мчавшийся земной механизм.

По телепатически принятой команде О-о три резвуньи-подружки принялись усиленно отращивать нижние кристаллики,двигающие их угловатые покрытые хлопьями замерзшего азота тела, и затем, за земные сутки преодолев оставшееся до купальни расстояние в полметра (но чрезвычайно быстро по меркам кристаллических жителей холодного Плутона), разом

начали погружаться в приятную прохладу замерзшего метанового озера, растапливая его лед своим теплом.

Что с них взять? Они были совсем еще маленькими, И-и и две ее подружки. Они пока еще едва разменяли полдесяток лет. Ну и что из того, что каждый плутонианский год длиной две с половиной сотни лет по меркам земного времени?

К-р-а-с-о-т-к-а

1

Необыкновенно! Чудесно! Великолепно! Блестяще! Все лучшие эпитеты мира можно было применить к состоянию души Майкла, когда он, улыбаясь, выходил утром из душа, растираясь жестким (как он любил) полотенцем. Они все-таки нашли ее, планету-мечту, планету чистого, нет, девственно чистейшего класса «А». В этом теперь уже не было ни малейшего сомнения. Красота! Да, именно так они назовут ее по праву первооткрывателей – Красота! Нет! К-р-а-с-о-т-к-а! Именно так, через черточку после каждой буквы! Хотя, разве дадут эти бумажные черви в канцеляриях такое начертание имени? Вернее всего, черта с два! Даже с названием Красотка, даже без черточек, конечно, возникнут сложности, куда уж без них в современном мире? Теперь, кажется, даже рулон туалетной бумаги без черт-знает-каких сложностей не купишь! Вам ту? А может эту? Та двухслойная, эта трехслойная, на этой напечатаны стихи, на той проза. Что вы желаете? Может быть желаете нанести на нее фото кого-либо из... как это мягче сказать... недругов, чтобы потом ими... Ну, вы же понимаете? Конечно, это не приветствуется, но за определенную плату... И при этом не одна, а две, а то и три сногсшибающие девушки, с любой из которых приятно было бы сидеть где-нибудь в ресторане, но никак не обсуждать достоинства туалетной бумаги, вводят все это тебе в уши!

Но сейчас ничто не могло согнать счастливую улыбку с лица Майкла. И точно такую же счастливую физиономию увидел он на лице Руни, когда через четверть часа встретился с ним за завтраком в небольшой кают-компании. Видимо, их обоих одолевали абсолютно одинаковые чувства. Впрочем, такую улыбку они видели друг у друга уже месяца полтора, с того дня, когда для них все окончательно стало ясно.

Уже с полгода малый звездолет Дальней космической разведки «Хронос» с экипажем в количестве двух человек бороздил заданную часть Дальнего космоса. Подбор экипажа для этого рейса, как всегда в таких случаях, был сделан безупречно. Пилоты словно дополняли друг друга. Ни разу у них не было ни одной размолвки, ни одного даже легкого столкновения. Это делало честь земным психологам. И теперь пилоты одинаково радовались открытию новой планеты. И было чему радоваться. Класс «А», который, несомненно, будет присвоен их открытию, означал, что эта планета есть практически полный аналог Земли. Они были как две капли воды похожи буквально по всем параметрам. И по близости к светилу, кстати, почти совпадающему по размерам с Солнцем, и по силе тяжести, и по составу атмосферы, из-за чего здесь также было исключительно голубое земное небо. И по множеству физических и химических показателей, таких, например, как уровень радиации, магнитосфера. Даже в местных растениях был такой же зеленый хлорофилл. Леса, степи, жаркий пояс, заснеженные полюса – все земное было при этой планете. Смена климатических поясов, смена зимы и лета – все, как на Земле. И при этом никаких следов разумной жизни. Ни-ка-ких! Животный мир был довольно разнообразным, при этом превалировали травоядные. Кое-где были замечены и хищники размером не больше собаки. Конечно, внешний облик местных представителей фауны был достаточно далеким от их земных собратьев, но это не мешало наблюдательному Майку по их поведению довольно точно определять, что вот эти, например, сухопарые высокие флегматики есть местные копии земных жирафов, а могучие и на вид свирепые, с громадными клыками великаны есть подобие бегемотов, ибо они при малейшей опасности толпой бросались в воду. И так далее. А во мно-

гих местах по всей планете селились местные суслики. Особенно любили они «загорать» на открытых местах, где-нибудь на пригорках. Их покрытые ярко-желтым мехом жирные тушки с острыми вытянутыми мордочками, с любопытством острыми глазками взирающими на обоих астронавтов, столбиками торчали на всех мало-мальски возвышенных местах.

Все вышеупомянутые существа требовали дальнейшего изучения, но это было уже не дело Майкла и Руни. Конечно, первое время астронавты, естественно, применяли все меры предосторожности, требующиеся от первооткрывателей. Но по мере того, как автоматы доставляли все новые и новые данные, требования предосторожности постепенно сходили на нет. На планете некого и нечего было бояться. Она была практически готова к колонизации ее людьми. А это означало высочайшие гонорары ее первооткрывателям, такие, про которые пишут одно слово: баснословные. И Майкл, и Руни знали, что последний раз планету такого типа открыли лет двести назад, и молва говорила, что экипаж открывшего ее звездолета получил такие деньги, что и сейчас, по истечении двухсот лет, их потомки являются одними из самых богатых людей мира. Так это, или это просто одна из баек Университета изучения Дальнего космоса, на который работали оба астронавта, сказать точно было невозможно. Во всяком случае, в контракте оговаривалось, что открытые исследователями Дальнего космоса новые планеты поступают в распоряжение Университета для их изучения с целью определения их использования на благо человечества, а самим первооткрывателям причитается определенный гонорар, зависящий от степени возможности освоения планеты. Конкретная сумма его не оговаривалась, что и служило источником появления уже упомянутых выше слухов о баснословности его размеров.

Через полтора месяца изучения планеты меры предосторожности были окончательно отброшены за ненадобностью. И вообще, теперь, после трех месяцев напряженного труда, первоначальная исследовательская работа подходила к концу. Оставались последние штрихи. Теперь у астронавтов наконец-то появилось свободное время. Правда, к этому моменту в местности, где находилась база, то есть их звездолет «Хронос», наступила зима. Малоснежная, без сильных морозов, но все-таки зима. Протекающая неподалеку река замерзла, покрывшись слоем льда, достаточно крепкого, чтобы даже сходить на подледную рыбную ловлю. Местная рыба была без плавников, передвигалась наподобие нашей каракатицы, отбрасывая назад струю воды, что обусловило совершенно другое строение тела, но, как и наша рыба, была не дура цапнуть с крючка что-нибудь вкусное даже с наживкой из простого земного хлеба. И по вкусу она была ничего. Но вот в этом моменте и была одна существенная разница между Майклом и Руни. Если первый был заядлый рыбак, не упускавший ни один случай, чтобы устроиться с удочкой на берегу, то второй был фанатичный охотник, в свободное время ездивший на охоту куда можно и где можно, благо это позволяла делать высокая оплата косморазведчика. Майкл не раз предлагал Руни взять его с собой на рыбалку, но тот неизменно отказывался, предпочитая побродить с ружьем в недалеком лесу.

Руни, увидев довольного Майкла, улыбнулся ему в ответ. Он тоже понимал значение их общей находки. Когда же Майкл сделал первый глоток обжигающе горячего чая, Руни положил на стол небольшой пластиковый белый кружок с красным ободком, обыкновенную пластиковую тарелку, входившую в комплект любого звездолета. На ней было несколько отверстий, больше по самому центру. Надо отметить, что, несмотря на малочисленность экипажа, всего два человека, исследовательские звездолеты Дальнего космоса были отнюдь не карлики – несколько сотен метров в высоту, несколько десятков в диаметре – они были достаточно велики, и в их управлении людям помогали умные автоматы. Другое дело, что помещения были под завязку набиты самой разнообразной исследовательской аппаратурой, запасами веществ, химикатов, реактивов и тому подобного для исследований. Но, разумеется, в дальних странствиях невозможно было постоянно использовать разовую посуду – ее запасы должны были бы быть слишком велики и занимать слишком много места. Поэтому разовую посуду использовали только в экспедициях по прибытии на место назначения, и то лишь тогда, когда не было

возможности мыть посуду после использования вдали от корабля, то есть когда надо было экономить воду.

– Нашел чем хвастаться! Небось, стрелял по ней метров с десяти? Что, не мог другую мишень найти? – усмехнулся Майкл, сразу поняв, в чем тут дело.

Вместо ответа Руни перевернул тарелочку дном вверх. И Майкл даже поперхнулся чаем.

Откашлявшись, сразу став серьезным и сосредоточенным, он взял в руки небольшой дырявый кружок. Но не само наличие пластиковой тарелки удивило его, а то, что в самом центре доньшка, хотя и истыканного пулевыми пробоинами, был ясно виден напечатанный синей краской вензель – буква «N» с характерными завитушками. Этот вензель знал каждый космозвездочник. Года три назад где-то в глубинах космоса бесследно растворился звездолет, аналог их «Хроноса», под названием «Nord», с экипажем в два человека. Он также был то ли где-то в этом секторе космоса, то ли где-то в соседнем. И вдруг перестал выходить на связь. Первое время его усиленно искали, затем поиски постепенно свернули, и его исчезновение осталось одной из загадок Дальнего космоса. И вдруг эта находка.

– Он просто висел на одном из деревьев в лесу, а из дерева я выковырял и пули, – Руни выгреб из кармана и бросил на стол несколько сплюснутых металлических кусочков.

– Не знаю, как Стив, а вот Отто, второй член их экипажа, был, как и я, охотником, – продолжил Руни, – точно теперь, они были на этой планете, нашли ее, но почему-то ушли куда-то отсюда, хотя, по логике вещей, ни один разумный пилот не продлил бы после такой находки свой полет. А ведь они не были дураками. Разве не так?

Майкл пожал плечами. Что он мог сказать? В отличие от Руни, он не знал никого из экипажа пропавшего звездолета. Некоторое время он молча сосредоточенно изучал тарелочку с обеих сторон, словно можно было обнаружить на ней что-то новое.

– Слушай, – наконец сказал он, – давай еще раз сходим туда, где ты нашел ее, и еще посмотрим, может, найдем что-то еще?

2

Через час Майкл и Руни, тепло одетые, уже шагали в направлении леса.

– Конечно, куда бы легче было бы добираться на лыжах, но только снега-то почти нет, – посетовал Руни, – а ехать на вездеходе – только дичь распугивать...

Он не взял с собой никакой поклажи, только забросил за спину пятизарядную винтовку с оптическим прицелом да сунул в карман несколько запасных обойм. Майкл вообще пошел налегке. Идти было близко. Перейдя замерзшую реку, они через сорок минут были уже в лесу. Однако поиски ни к чему не привели – не было найдено ни одной стреляной гильзы, ни одного следа.

– Странно, – ворчал рассудительный Руни, – что, Отто с собой гильзы стреляные забрал, что ли? Зачем они-то были ему нужны?

Часа через два стало ясно, что поиски ни к чему не приведут. Вздохнув, Майкл и Руни направились обратно к звездолету. Едва они вышли на опушку, как Руни остановил Майкла.

– Поохотимся? Хочешь пострелять? – лукаво улыбнувшись, предложил он. Видишь, вон там, на пригорке, толпа сусликов стоит.

Конечно, Майкл умел стрелять. Да и как ему было не уметь, если эта дисциплина стояла в обязательных на ежегодно пересдаваемом курсе выживаемости астронавтов. Не ожидая ответа, Руни передернул затвор и вскинул винтовку, веером разворачивая ее слева направо. Одновременно с этим прогремели три выстрела. Даже отсюда, с расстояния свыше двухсот метров, было видно, как головы трех в разных местах стоящих сусликов разлетаются на части.

– Вот это класс стрельбы! – восхитился Майкл.

– Еще бы! – довольно сказал Руни, – это, скажу тебе я, сложно – попасть веером в три отдельно стоящие небольшие цели практически без временного интервала между выстрелами. Здесь нужны длительные тренировки.

Между тем суслики заметались на пригорке, некоторые из них бросились к убитым сородичам. Руни протянул винтовку Майклу.

– Теперь твоя очередь.

– Да не буду я позориться! – отмахнулся было Майкл.

– Да ладно, я же не требую от тебя невозможного! Посмотри, какой экземпляр! Просто попади в него!

Майкл и сам видел толстого жирного суслика, на которого указывал Руни. Тот стоял там же, на пригорке, немного в стороне, и смотрел в сторону метавшихся сородичей. В оптический прицел видно было просто отлично. Майклу казалось, что он видит даже выражение физиономии суслика, когда тот поворачивал голову в сторону стрелявших людей. В следующий миг он плавно нажал на гашетку. Неожиданно сильная отдача толкнула его в плечо так, что стало больно.

– Прижимать надо сильнее, это мощное оружие, – заметил Руни.

– Ну ладно, я пошел, – отдавая винтовку, сказал Майкл.

Ему было как-то не по себе.

– Кстати, ты неплохо попал, – глядя сквозь оптический прицел, сказал Руни.

Майкл медленно шел по направлению к звездолету. И, пока он не перешел речку, сзади один за другим гремели выстрелы. Руни упражнялся в стрельбе по живым мишеням.

Майкл, не спеша поднимаясь на невысокий пригорок, отделявший его от звездолета, размышляя о том, куда мог отправиться с этой чудесной планеты злополучный пропавший экипаж, успел отойти от реки менее полукилометра, когда до его слуха донесся характерный треск льда и вскрик Руни. Майкл резко обернулся. С небольшой высоты пригорка он отчетливо увидел ровную гладь льда, покрывшего реку, полынью в ней и человека, пытающегося выбраться из воды на кромку льда. Лед обламывался, человек срывался вниз, выплескивая на чистую искрящуюся под солнцем поверхность потоки воды, но снова и снова пытался выползти на лед, распластаваясь на нем всем телом, как их и учили на тренировках по выживаемости. Винтовки за плечами уже не было, видимо, сорвалась с плеча в самый первый момент и ушла под воду.

Замершие на окрестных пригорках суслики внезапно засуетились и толпами бросились к растущим неподалеку кустам. Но это транзитом проскочило в глазах и сознании Майкла, не оставив следа.

– Молодец, – мимоходом про себя отметил Майкл действия Руни, – не растерялся... Я бегу! – изо всей силы закричал он, а ноги уже сами несли его тело к реке со всей возможной скоростью.

Он успел преодолеть три четверти пути до полыньи, когда Руни окончательно выбрался на лед и, осторожно двигая руками и ногами, начал отползать от края льда. Выбрался со стороны полыньи, обратной приближающему Майклу. Из-за ближайшей к Руни кочки внезапно выкатился большой ярко-желтый ковер и на большой скорости помчался к нему. Удивленный Майкл едва не остановился, разглядев, что это был за ковер. Множество сусликов уцепились за большую длинную жердь, бывшую до этого толстым отростком какого-то местного древесного куста, которому они с Руни так и не удосужились дать название.

– Когда только успели свалить его? – промелькнуло в голове Майкла.

Одни суслики зубами и коготками уцепились за один конец самой жерди, другие уцепились за первых, и вся эта живая конструкция с далеко впереди торчащим концом жерди стремительно неслась к ползущему по льду Руни. Тот смотрел вниз, не видя приближающихся зверьков. Майкл на бегу что-то отчаянно закричал. В этот момент свободный конец жерди уперся в успевшего на десяток метров отползти в сторону от полыньи Руни. Суслики не пре-

кратили движение, и, через мгновение столкнув Руни снова в полынью, отскочили назад, по-прежнему мертвой хваткой сжимая свою жердь. Он попробовал было схватиться за край льда руками, но суслики жердью решительно сбили руки с края льда.

Ничего не понимающий Майкл был уже совсем рядом, когда ему под ноги внезапно подкатились сразу несколько сусликов. Запнувшись за них, он упал, и тут же боковым зрением увидел подбегающие толпы сусликов, каждый из которых тащил длинную жердь. Майкл попытался увернуться, но жердей было много, и через несколько мгновений он, проехав лежа по льду пару десятков метров, толкаемый живым бульдозером, подняв фонтаны брызг, тяжело ухнул в холодную воду. Дно водоема оказалось совсем рядом, в сантиметрах под ногами, но все же стать на него и отдышаться было невозможно. Течение было слишком сильным, а вода слишком холодной. Руни в полынье уже не было. Следующие несколько минут были затрачены на в общем-то бесполезную борьбу. Поняв это, страшно замерзший Майкл просто опустил голову и перестал сопротивляться. Течение тут же утащило его под лед, перевернув вниз лицом. Вода была чистая, исключительно прозрачная. И остатками зрения и сознания он все-таки успел ухватить лежащие на дне рядом два охотничьих ружья и даже успел удивиться, откуда взялось второе, и вдруг понять, что и, главное, почему, произошло, когда сознание окончательно покинуло его.

3

Вскоре тысячи небольших пушистых зверьков копошились рядом с гигантскими стабилизаторами уходящей ввысь иглы звездолета, быстро углубляя в мерзлом грунте выемку сложной конфигурации, постепенно превращая ее в огромную глубокую яму, контурами повторяющую его обводы. Для постороннего наблюдателя это было бы удивительным зрелищем: с одной стороны, огромные толпы странных небольших зверьков суетятся, тонко попискивая, бестолково бегают туда-сюда, а, с другой, яма непрерывно растет, увеличивается исключительно грамотно и целенаправленно. Наконец, зверьки, судя по всему, закончили работу и столпились по краям котлована, начинающегося из-под самих стабилизаторов. Лишь некоторые из них оставались в глубине ямы. Вдруг все зверьки разом перестали попискивать и повернулись в сторону межзвездного исполина. Наступила тишина, лишь ветер свистел, огибая могучий металлический корпус. Тут же из ямы выпрыгнули остававшиеся там зверьки, очевидно, закончив какие-то последние штрихи. Еще через мгновение под одним из стабилизаторов внезапно просел грунт. Звездолет вздрогнул. И в ту же секунду грунт просел под другими его опорами. Острый шпиль звездолета описал гигантскую дугу, и он с грохотом рухнул точно в вырытую для него могилу. В воздух поднялись клубы пыли. Когда они под действием свежего ветерка рассеялись, ничего, напоминающего об огромном транспортном средстве пришельцев, на поверхности уже не было. Звездолет лежал глубоко в яме, попав точно туда, куда и было первоначально задумано его поместить. Даже стены ямы не обвалились, хотя сотрясение от падения многотысячетонного тела было значительным. Но... В одном месте все-же была небольшая осыпь, но как раз там и не было ни одного зверька, как будто они знали, что именно там может обрушиться грунт. Внимательный наблюдатель первоначально отметил бы, что грунт здесь менее уплотнен, чем в других местах. Судя по всему, сравнительно недавно здесь его перемещали с места на место. Далее он увидел бы, как порыв налетевшего ветра столкнул с образовавшегося внизу маленького песчаного холмика легкие песчинки, обнажив небольшой фрагмент блестящей металлической поверхности с выбитым на ней вензелем – буквой «N» в характерных завитушках.

Еще через несколько мгновений зверьки снова пришли в движение, сноровисто засыпая огромную котловину. Откуда-то появилась туча, нарушив ясную голубизну чистого до того неба, но вскоре величаво уплыла прочь, устилая под собой землю белым пушистым свежеснегов. Когда солнце коснулось края горизонта, практически ничего уже не указывало о драме, разыгравшейся в этом месте, где глубоко под землей лежали рядом два космических

корабля, по стечению обстоятельств опустившиеся в разное время практически в одном и том же удобном для посадки месте. Лишь ветерок бестолково носился по открытому пространству, снежной поземкой прикрывая и без того уже заснеженное пространство.

Их нельзя было оставлять в живых и отпускать с планеты, существ с других миров. Ибо они привели бы сюда за собой других, таких же, как и они сами. Кровожадных, убивающих ради своего удовольствия. Первое такое решение Планетарного Совета, принятое не так давно, несколько оборотов планеты назад, вызвало ожесточенные споры его сторонников и противников. Высказывался каждый, одновременно слыша внутри себя миллионы голосов других (кто виноват, что именно по такому пути пошло развитие жизни на этой планете?). Тогда никому из них и в голову первоначально не могло прийти, что можно мимоходом истреблять живых беззащитных существ, когда вдруг пришельцы с большого расстояния при помощи блестящих трубок стали убивать жителей планеты, убивать просто так, для развлечения. И когда то же самое повторилось с прибытием следующих пришельцев, окончательно стало ясно: подобные существа никогда не должны узнать о существовании этой планеты. Должны исчезать и они сами, и их транспортные средства. И это было сделано. И будет сделано впредь. Во имя жизни.

Чудь-озеро

Ивану Антоновичу Ефремову, выдающемуся
писателю-фантасту, посвящается.

1.

Клубы пара, вырвавшись из открывшейся двери бани, стоявшей на отшибе, на уступе берега реки, рванули было ввысь, в морозное чистое уже вечернее небо, но тут же, намертво схваченные холодом, упали на землю в виде пушистых снежинок, свидетельствуя, что мороз нешуточно взялся за свое зимнее дело. Из распахнутой двери выпрыгнул совершенно голый человек, промчался десяток метров до ближайшего сугроба, нырнул в него, тут же выскочил и опрометью кинулся обратно. У подходивших к бане по узкой вытоптанной в снегу тропинке четверых разновозрастных человек, несущих под мышками березовые веники и видевших все это собственными глазами, даже захватило дух.

– Ну, Никодимыч дает! – с восхищением сказал один из них, идущий первым, самый старший из четверых, – никакой черт ему не брат! Повезло тебе, Петрович, – с завистью продолжил он, повернувшись к идущему сразу за ним немногим более молодому второму, – и как тебе только удалось заполучить его в свою экспедицию? Я и так, и этак пробовал к нему подлизаться. И сколько народа к нему с такими же предложениями подваливало – не перечесть. Ан нет, полный отказ! А ты только появился – пожалуйста, он сразу к твоим услугам. И чем ты его берешь?

– Лаской и внутренней смазкой! – засмеялся второй, – а если серьезно, моя геологическая партия запланирована была еще два года назад, уже тогда разрабатывался маршрут. И я сразу же связался с Никодимычем и заручился его согласием. Уходим надолго и далеко, тут нужен не просто надежный, а очень надежный тыл.

– А кто он такой, этот Никодимыч? – раздался сзади молодой звонкий голос, – и почему с ним все носятся, как с писаной торбой?

– Это кто там голос подает? Твои стажеры? – не оборачиваясь, спросил первый, и, не ожидая ответ, продолжил: – это сейчас они, молодые, такие прыткие. Не нравится им – писаная торба для них, видишь ли, этот Никодимыч!

– Ничего, оботрутса быстро, – усмехнулся второй, – через недельку-другую петь будут совсем по-другому!

– Он ничего плохого не имел в виду, – тут же, оправдываясь, подал голос второй стажер, – просто интересно, почему у нас все довольны тем, что этот загадочный Никодимыч идет с нашей партией.

– Скоро узнаете, – заметил начальник их партии, – впрочем, мы уже пришли. Добро пожаловать в настоящую деревенскую баню, коих на Руси осталось совсем мало. Городским все больше ванну и душ подавай, вишь ли! А вот следующая настоящая баня будет вам не скоро, может, через полгодака...

С этими словами вся четверка скрылась в дверном проеме бани.

Раздевшись в теплом достаточно просторном предбаннике и захватив с собой шайки, новоприбывшие быстро перешли в следующее, заполненное паром, помывочное отделение. Народу здесь было немного – местные знали, что на завтра намечен уход сразу трех больших геологических партий, собравшихся в поселке, и что перед уходом геологи обязательно, по давно заведенной традиции, пойдут ополоснуться. Поэтому, чтобы не создавать излишнюю толкучку, никто из местных сегодня в баню не шел, и тот из геологов, кто любил парилку, сегодня отрывался по полной. Но к вечеру здесь осталось лишь несколько особых любителей острых парильных ощущений, да к ним присоединилась пришедшая последней четверка.

Вскоре молодежь, а следом за ними и старшие, оказалась в парном отделении. Сухой жар сразу же ожег лица, с непривычки стало нечем дышать.

– Да вы ложитесь на полки, которые пониже, здесь не надо геройствовать, – раздался немного хриловатый, но доброжелательный голос человека, лежавшего на самой верхней полке, в немыслимо адской жаре.

Лицо у него было приветливое и самое обыкновенное, ничем не примечательное, обрамленное белыми, как свежеснежинками, коротко остриженными волосами, но глаза – исключительно живые, быстрые, редкой васильковой синевы. Тело сильное, жилистое, поджарое, выше пояса загорелое до черноты. Роста он был немного выше среднего.

– В бане все равны, – продолжал он, – и начальники, и подчиненные. Все с голенькими пупками, не отличишь.

– Тебе бы, Никодимыч, все насмехаться, – добродушно проворчал один из вошедших, – и когда же угомонишься-то?

– А никогда! Баня – единственное место, где можно отхлестать начальника, и он еще и будет доволен, – подмигнув молодежи, засмеялся Никодимыч, – а кличут меня Федором Никодимовичем, можно просто – Никодимыч. Мы здесь, в поселке, всех зовем просто, по отчеству. А вы, видимо, стажеры в нашей партии? А что городские, у вас на лбу аршинными буквами написано... Как вас величать? А по батюшке? Ну, будем знакомы! Не тушуйтесь, ребята! Хотя, чтобы тебя звали по отчеству, все-таки заслужить надо. А то дадут какую-нибудь кличку, часто и обидную, и будут обзывать так за глаза, а то и в глаза. И никуда не денешься. У меня ведь тоже кличка есть. Если услышите – иди к пану, то это значит, ко мне. Это меня так прозвали – паном, мол, все у него всегда есть, как у пана. Что поселок, что деревня – одно и то же, как ни назови. А деревня – она деревня и есть. Народ простой, незамысловатый...

Это относилось уже к молодежи. И точно, скоро молодежь наравне со старшими и с самим Никодимычем полностью влилась в банный процесс. Хлестала друг друга и своего начальника вениками, смеялась, и ощущение было таким, словно все знают друг друга уже много времени...

...Довольные и умиротворенные, все сидели и отходили от банного жара в предбаннике.

– Никодимыч, а почему у вас пальцев на ногах нет? – вдруг спросил один из стажеров.

И только теперь все присутствующие обратили внимание на то, что, действительно, на одной ноге у того напрочь отсутствовали два пальца и фаланга третьего, а на другой – тоже два пальца.

– Так, памятка об одном случае, – отмахнулся Никодимыч рукой, стыдливо задвигая босые ноги глубже под скамейку.

– Расскажите!

– Как-нибудь потом, ребята, – посерьезнел Никодимыч, – уже времени много, а завтра рано вставать. Хотя и собрано, вроде бы, все, однако лишний раз не помешало бы проверить.

Никодимыч быстро собрался и ушел. Следом за ним потянулись к выходу и другие геологи. Вскоре в предбаннике остались только стажеры и тот, кого назвали Петровичем, начальник их геологической партии.

– Видите ли, ребята, – заговорил, отвечая на вопрос, застывший в глазах стажеров, начальник партии, – и в самом деле, наличие Никодимыча – это наполовину, если не больше, гарантия успеха экспедиции. Я знаю его уже много лет. Должность у него, как для вас это, видимо, на первый взгляд, покажется странным, самая что ни на есть простая – разнорабочий. Однако... Уже много лет он ходит с геологами. Образование у него – всего восемь классов вперемежку с коридором. Однако все это с лихвой компенсируется природной хваткой и сообразительностью. Если бы он к этому еще и выучился, цены бы ему не было. Но учиться он категорически не желал... Как-то, еще в ранней юности, сбежал он из дома в первую экспедицию, годков пятнадцати от роду. Признаться, и я был тогда молодой, сопливый, только после института, первый раз вел изыскательскую партию. Особо в людях не разбирался. И он напросился тогда со мной. Деревня его нищая, забитая, глухая, он бы точно пропал там или спился. Пожалел я его. И, признаюсь, никогда не жалел о том, что взял с собой. Перед самой войной это было, почитай, более тридцати зим уже минуло с той поры. А в войну он поначалу норовил на фронт удрасть. Но мне удалось ему разъяснить, что и наша работа не менее важна для фронта. Что, например, найденная нами магнезиальная соль позволит произвести тысячи тонн термитной смеси и сжечь уйму фашистских предприятий и техники, а найденные бокситы и железные руды – произвести сотни новых самолетов... Никодимыч не двуличный – он семиличный. Вся черновая работа экспедиции, да и не только черновая, будет выполнена идеально. Ему смело можно поручать и некоторые исследования. Все будет сделано строго по инструкции. Он как три вола будет работать сам, и так же будут пахать и его подчиненные. Никодимыч не любит должностей и всегда пишется разнорабочим, но фактически является бригадиром. Тут приходится покрутиться, чтобы найти лазейку и платить ему его настоящую зарплату – а как же иначе? Авторитет Никодимыча в бригаде непререкаем – как он сказал, так и будет, да никому там и в голову не придет оспорить его распоряжения. Особенность его – чувствовать, что надо делать срочно, что погода, что совсем не делать, как бы на него не давили. И – что самое интересное – за столько лет я не знаю случая, чтобы он ошибся. То есть с ним, как это часто бывает, не делают массу пустой работы. Людям это нравится. Бригаду рабочих-подсобников себе он подбирает сам, и стоит очередь, чтобы попасть в нее... А коммуникабельность у него просто потрясающая, что исключительно важно в тесном замкнутом пространстве экспедиции при каждодневной тяжелой работе. Да вы это и сами, небось, почувствовали на себе, когда через минуту после того, как впервые увидели его, уже вовсю общались, как со старым знакомым. Никодимыч ходит в бобылях. Пробовал он и жениться. Однако через месяц-другой оседлой жизни под крылом какой-нибудь бабенки начинала заедать его тоска, и чем дальше, тем тоска больше, и так до тех пор, пока не сбежал он в тайгу, в очередную экспедицию. Ну, какая женщина будет связываться с ним после его побегов? Правда, слышал я краем уха, что есть такая, которая ждет. Впрочем, в его личные дела я никогда не лез и другим не советую делать это... Я про себя называю его иногда уникамом от природы. Это потому, что он, как никто другой, чувствует, что в ней происходит. Например, за день-два он уже знает о перемене погоды лучше всяких барометров. А однажды ни с того ни с сего начал переносить в сторону лагерь, и это через месяц после того, как его обустроили. А первой же ночью после этого через прежнее расположение лагеря промчался сель. Откуда Никодимыч мог знать, что

несколько дней назад где-то за десятки километров проливные дожди шли, а у нас назавтра селом обернутся – загадка. Спрашивал его об этом, а он и сам не знает, откуда. – Просто знаю, и все тут, – говорит. А на местности ориентируется, будто у себя дома ходит, никакого компаса не надо. Один раз взглянет на карту – это если в незнакомом месте – и все, выведет в точности. А последний десяток лет время занимала у меня академическая работа, и Никодимыча я это время я не видел. Но стоило позвонить ему – и вот он тут как тут, и все такой же, будто вчера расстались...

Назавтра поселок обезлюдел. Одна за другой в путь отправились три геологоразведочные партии, каждая в несколько десятков человек. Партия, возглавляемая Петровичем, сначала месяц пробивалась через заснеженные таежные заросли, каменистые россыпи, невысокие, поросшие густым хвойником и кедром, сильно разрушенные горы, время от времени выпуская в стороны мелкие разведочные отряды. Выйдя к цели, прочно обосновалась, быстро срубив несколько домов. И приступила к плановой напряженной работе.

Для стажеров пять месяцев, насыщенных работой до предела, пролетели, как один день. И вот наступило то вожделенное время, когда работа наконец-то была завершена. Собранные образцы упакованы, вещи и инструменты собраны и уложены. В последний день нахождения партии на месте изысканий все собрались у большого костра. Наконец-то было разрешено нарушить сухой закон и отметить небольшими дозами спиртного окончание работы, ведь завтра нужно было выходить в обратный путь, а это снова тяжелая работа: идти нужно было по новому маршруту, опять пробиваясь через буреломы, преодолевая каменные стены, и вдобавок ведя необходимые дорожные изыскания.

Правда, если все начиналось лютой зимой, то теперь на дворе было начало мая, и стояла теплая, пока еще не жаркая погода. И тяжелая дорога начнется только завтра, поэтому сегодня все радовались и погоде, и своей маленькой победе; что удалось найти перспективное месторождение полиметаллических руд; что все были живыми и здоровыми; что за все время экспедиции не было ни одного серьезного сбоя; что хватало еды и питья, инструментов и многого прочего. Теперь уже стажеры понимали роль простых разнорабочих в многочленной экспедиции и, в особенности, организующую роль их бригадира.

Никодимыч сидел у костра рядом с Петровичем, начальником геологоразведочной партии, довольно шурясь и глядя на пляшущие языки пламени. Тут же были и оба стажера. Остальные работники расположились несколько поодаль от начальства.

– Никодимыч, помнишь, ты обещал рассказать, как пальцы на ногах потерял? – обратился к нему один из стажеров, намекая на былые банные посиделки

За прошедшее короткое время стажеры перешли на «ты» в обращении с Никодимычем. Правда, это «ты» все же носило уважительный оттенок.

Никодимыч помолчал, подбросил в огонь лежавшую рядом сухую ветку.

– А вам это будет интересно? – немного растягивая слова, спросил он.

Начальник партии с удивлением взглянул на Никодимыча. Он, в отличие от молодых стажеров, прекрасно разбирался в интонациях речи своего, хоть и неофициального, бригадира, и знал, что растягивать слова тот начинал, если только пришел в существенное волнение. Однако лицо Никодимыча было совершенно спокойно. И, в то же время, он волновался, стараясь внешне ничем себя не выдать. Начальник партии понимал это. И это было очень странно, поэтому он решил поддержать стажеров.

– А, правда, Никодимыч, расскажи, – обратился он к бригадиру, – ведь, насколько я помню, когда мы с тобой расстались лет десяток назад, все у тебя еще было в комплекте.

Никодимыч, прищурившись, словно оценивая, быстро взглянул на Петровича своими васильковыми глазами и отвел их в сторону.

– Меня уже считали чудачком и выдумщиком с моими рассказами, даже пальцем у виска крутили, – нехотя, уже нормальным тоном, ответил он.

– Но ведь я знаю тебя уже много лет, и никогда не давал повод плохо думать обо мне, разве не так? – спросил начальник партии, – и, к тому же, – добавил он, – мы гарантируем, – он указал на себя и молодых стажеров, единственных слушателей, – что то, что ты расскажешь, останется строго между нами. Идет?

Никодимыч окинул взглядом троих слушателей, недоверчиво покачал головой, подумал, а затем сказал: – Идет. Только обещайте, что не будете уточнять некоторые детали, которые я намеренно опущу.

Слушатели согласно закивали головами. И Никодимыч заговорил, иногда медленно подбирая слова, иногда быстро, словно они переполняли его голову и быстрее стремились наружу.

2.

– Это случилось... Дай Бог памяти... Когда мы с тобой расстались, Петрович, лет десять назад?

Никодимыч взглянул на начальника партии. Тот согласно кивнул головой.

– Ну да, на второй год после этого, – продолжил Никодимыч, – аккурат уже восемь зим проскочило. А помнится все, словно вчера это было... Тот год, вообще, странным был, запоминающимся. В погоде тогда была аномалия – холода рано упали, а снега долго не было. Мороз лютует, а снега все нет и нет. Сколько тогда зверья, а особенно птиц, перемерзло – страсть.

– В то лето ходил я с одной геологоразведочной партией, большой партией, наподобие, как сейчас. Далеко ходили. Постоянно мелкие отряды в стороны высылались. Работа затянулась надолго. Как раз и пришли эти холода. И вот однажды подходит ко мне начальник партии и говорит, мол, надо помочь, Никодимыч. Я говорю, что всегда готов помочь, как тот пионер, и спрашиваю, что надо сделать. И тут он говорит, словно извиняясь, что надо отправиться с небольшой партией в дальнюю разведку, что людей в лагере осталось до крайности мало и практически больше некого отправить, что, конечно, здесь, в базовом лагере, проку от меня несравненно больше, чем будет там, но деваться некуда. Я не хвастаюсь своей исключительностью. Петрович может подтвердить, нет у меня такой черты в характере...

Начальник партии согласно кивнул головой.

– И проку от меня в базовом лагере, действительно, куда больше. Но раз надо, значит, надо, ведь не от хорошей жизни меня в маленькой группе отправляют. А, по большому счету, мне все едино, что в большом коллективе, что в маленьком, я никакой работы не боюсь и много чего делать умею.

– Ушли мы небольшой группой, всего шесть человек, сотни за три или за четыре, теперь уже не упомяну точно, верст к северу. Таежные расстояния известны – здесь и сотня верст за расстояние иногда не считается. Последняя культурная, если можно так выразиться, ночевка перед прибытием на место проходила в одном поселке. Культурная – я имею в виду, на мягкой перине в теплой постели, а не по-походному, в спальном мешке. Довольно большой был поселок, тысячи полторы народа было в нем, никак не меньше, если судить навскидку. Вот там люди и рассказали, что место наших исследований находится за озером... Есть у него и официальное название. Но я буду называть его так, как сказывали местные – Чудь-озеро. А называли его так то ли за чудный нрав, то ли по другой причине. Чудный нрав – это то, что каждый год у Чудь-озера был другой уровень воды, отличавшийся иногда на десятки метров. Да что каждый год – иногда каждый месяц. Почему так происходило – никто не знал, видимо, руки у ученых не дошли туда к тому времени. Глушь таежная – она глушь и есть. Глубину его никогда не промеряли, но поговаривали, что составляла она не одну сотню метров. А не проверяли по упомянутой мною другой причине. Местные говорили, что обитает в том озере нечисть, утаскивающая на дно все, что появляется на поверхности воды, будь то или птица, или животное, или человек даже, если рыбу отправится туда ловить. Потому не гнездятся там птицы, облетают Чудь-озеро стороной. И так же стороной обходит его зверье, нет там звери-

ных троп, к водопою ведущих. И рыбы в нем нет, хотя вода исключительно чистая. И люди, охотники и лесники, обходят его стороной. Одним словом, плохая слава у тех мест.

– Ну, те байки местные мы послушали, поусмехались про себя и наутро отправились к месту, нам нужному. Поселковые власти взялись помочь. Организовали несколько телег под имущество, ведь научной аппаратуры было у нас немало, и мы так и переезжали от одного поселка до другого, каждый раз меняя ездовых, нанимая следующих местных. И благополучно доставили нас до места по известным им зимникам в обход Чудь-озера, и даже помогли быстро обустроиться, ведь местные народ мастеровой, из дерева все делать умеют.

– Далее началась работа. Нас всего шесть человек, и наукой заниматься надо, и едой, и стиркой. Вот тут и пригодилось все мое умение, ведь приходилось делать все – и готовить, и стирать, и мерзлую землю и камни долбить, и аппаратуру на себе таскать, и некоторые исследования самому проводить. К чести нашей партии, надо сказать, что народ подобрался хоть куда. И хоть своих исследований у всех было не много, а очень много, никто не чурался черновой работы. И копали со мной вместе, и готовили, и стирали, если время позволяло.

– А в один из дней извлекли из ящика какой-то сильно сложный и дорогой обложенный ватой прибор и понесли его за пару километров от места стоянки. А включаться он должен был от электричества. Были у нас с собой сухие анодные батареи. Петрович помнит их, такие большие, прямоугольные, торцы синего цвета, боковины белые, а вы, молодые, верно, не то что не видели, но и не слышали про такие... Место исследования было на небольшом горном плато, и, чтобы добраться до него, с полкилометра надо было пройти по довольно узкому уступу, прижимаясь к горе. Отправились туда трое – двое несли прибор, третий собрал в мешок все сухие батареи, даже из рации вытащил все, что там было, на всякий случай, если какая-нибудь откажет, а такое случалось часто... Мешок получился довольно увесистый. Так вот, на плато пришли они нормально, измерили, получили данные, все записали, а полученная информация оказалась настолько интересной и важной, что основные ее показатели надо было сразу же передать по рации, а при первой же возможности отправить и все остальные материалы. Однако на обратном пути случилось то, что называется ЧП – чрезвычайное, совершенно незапланированное, происшествие. Батареи-то весили немало, а тот, кто должен был доставить их обратно в лагерь, не повесил мешок с ними на плечо, а почему-то понес в руке, и на уступе мешок начал перевешивать. У парня был выбор – или кувырнуться полсотни метров вниз вместе с батареями, или выпустить мешок из руки. Он предпочел второе. В общем, батареи разбились вдребезги. Все. И от прибора, и взятые про запас от рации. Срочно передать данные стало невозможно. И тогда старший нашей партии, хорошенько поразмыслив, посмотрел на меня. Ну, мне что – надо, так надо. Не впервой ходить по тайге одному, и не такое видали. Закинул за плечи двустволку, а заряды в стволах – крупная дробь. На всякий случай, все же тайга кругом, зверья всякого хватает. Можно и на Хозяина сгоряча нарваться, на медведя то есть. Но это если сильно не повезет, уж больно он осторожен и человека опасается, даже если это шатун, то есть тот, кто к тому времени по какой-либо причине спать не лег. Я, бывало, с ним сталкивался, иногда и нос к носу. Тут главное – не заробеть, спиной не повернуться. Но к данному случаю это не относится... Итак, топор за пояс, за плечами – котомка с материалами, которые передать нужно, и немного продуктов на дорогу. Обговорили, что нужно назад принести, купить в поселке: больших гвоздей; моток крепкой веревки – уж не знаю, кому она понадобилась, скорее всего, чтобы обвязывать упакованные ящики; батареи сухие новые, правда, только для рации. С прибором ведь уже отработали, да и тяжело было бы тащить на себе комплект батарей еще и для него. Кроме этого, нужно было договориться с местным начальством, чтобы ровно через неделю прислали несколько повозок или саней, смотря по погоде, чтобы вывезти нас и оборудование. За эту неделю все у нас должны были уже завершить работу и свернуться, упаковаться. Кстати, с этим обозом должен был обратно в лагерь вернуться и я. Это потому, что примерно к этому времени ожидалось поступление на местную почту какого-то

пакета для нашего старшего, об этом по рации передали еще тогда, когда батареи еще целыми были. Я должен был пакет получить и лично в руки начальства доставить. Вот через этот пакет все дальнейшее и получилось.

– А про погоду в тот год я уже говорил – уже в начале сентября вдруг упали холода. С каждым днем все морознее. Ночью все подмерзает, а днем, несмотря на солнышко, совсем не отпускает. Я вышел в дорогу в начале октября, следовательно, к тому времени почти месяц уже морозы стояли. То есть лыжи с собой не возьмешь, нету снегу-то. Пришлось пешком до поселка добираться, без малого сотню с добрым гаком верст отмахать. А и сам гак, поди, полсотни верст будет. Но ходок я и по сей день хороший, а дорогу по зимникам с первого раза запомнил.

– Вышел я рано поутру, а к вечеру следующего дня был уже в поселке. Переночевал в каком-то первом попавшемся доме, ведь заезжего человека всегда в тайге на ночь любой дом приютит. Утром закупил все, что просили, договорился с начальством насчет саней или воев через неделю и хотел было искать постой на этот срок, пакет дожидаться. Зашел на почту договориться, чтобы по прибытии пакета мне сразу же сообщили, и тут оказалось, что как раз вчера была какая-то оказия, и этот пакет уже лежит, меня дожидается. И получается, что не надо мне того обоза дожидаться. Я снова к поселковому начальству, так мол и так, пойду я, пакет понесу, а вы, мол, не забудьте обоз вовремя прислать, чтобы нас забрать. Вышел от начальства и отправился в путь-дорогу.

– Вот только возвращаться-то в лагерь я решил не вкругаля, а по прямой, через то Чудь-озеро. Расстояние ведь было почти в два раза меньше, чем по зимникам. Вы спросите, а какого лешего я в поселок напрямую не шел? А очень просто: дорогу эту я не знал. Может, там сплошной бурелом, может обрывы скальные. А рисковать я не имел права – слишком ценные бумаги нес. А вот назад – другое дело. Ну, что там важного могло быть в том пакете, что я нес, при известном условии, что наша работа уже была практически закончена? Небось, какие-нибудь второстепенные инструкции. Могу лишь добавить, что так оно на деле и оказалось. Но это так, между прочим...

– От поселка до Чудь-озера верст сорок, само озеро верст пяток, и дальше до лагеря верст тридцать-тридцать пять. В общем, думал я за день-полтора обернуться. И сразу после посещения начальства поселкового мы отправились в дорогу. Почему это мы? А потому, что я был уже не один. Еще с вечера, как только появился я в поселке, подскочил ко мне огромный лохматый пес породы двортерьер и завилял хвостом. Я особо не обратил на него внимания, но утром он уже стоял у крыльца дома, где я ночевал, и всюду сопровождал меня, не отходя ни на шаг. Оказалось, что этот пес ничей, ходит по всему поселку, не злобный и добродушный, хотя и с грозной кличкой Волчара. В ответ на эту кличку Волчара начинал совсем не по-волчьи вертеть хвостом и радостно прыгать вокруг. Кто знает, почему он воспринял меня, как своего хозяина и последовал за мной в тайгу? Может, это на роду у него написано было... Я даже захватил для него некоторое количество мясных костей, уложив их в мешок поверх батарей. Мешок у меня был не тяжелый – килограмма четыре длинных гвоздей (самый тяжелый груз), веревка, батареи, продукты, кости для собаки. И, разумеется, на самом верху, аккуратно уложенные и завернутые в рушник, три бутылки «Столичной». Не пищевого спирта, а именно «Столичной». По полбутылки на брата. Это местное начальство расстаралось, выделило в подарок из каких-то своих запасов. Всего понемногу, в сумме и десятка килограммов не набиралось, ну, может, чуток больше. За поясом топор, на плече двустволка. Волчара то вперед бежит, то сзади остается, принюхивается, прислушивается, ни минуты не стоит без своего собачьего дела. И мне веселее в дороге, на него глядячи.

– Петрович знает, что в лесу я ориентируюсь не хуже, чем иной в своей деревне. А тут направление я точно знал, хотя и шел без всякой карты. А дорога оказалась не такой и трудной. Правда, через пару скальных выступов Волчару пришлось на себе тащить, он бы ни за что сам не перебрался. Бурелома по дороге тоже хватало, но мои планы это не нарушило. На то самое,

чего в иное время следовало опасаться, и что сильно могло затруднить дорогу или даже сделать ее невозможной – болота – теперь я вовсе внимания не обращал. При таком длительном морозе они все поверху покрылись толстой ледяной корой.

– Как бы то ни было, еще солнце не начало клониться к закату, стоял я на краю глубокой пологой впадины, в которой и находилось Чудь-озеро. Впадина была почти правильной овальной формы, от меня вытянутой. До ее края была все сплошь тайга, а затем, по пологому скату, вплоть до воды, берег был голый, скалистый, уступами, местами покрытый травой. На ее дальнем краю, куда мне идти надо было, возвышалась покрытая тайгой гора с покатым верхом. Следовательно, надо было мне брать немного в сторону, чтобы обойти ее стороной. Водяное зеркало занимало верст семь-восемь в длину и пять-шесть в ширину. Сверху, с края впадины, это было прекрасно видно. А вот если бы вода до краев доходила, ее поверхность бы раза в два увеличивалась. Конечно, все это на первый взгляд, напоминало озеро где-нибудь в кратере старого вулкана, ведь мы с тобой, Петрович, на Камчатке насмотрелись на таких вволю. Помнишь?

Начальник партии снова молча утвердительно кивнул головой.

– Вот только одна загвоздочка здесь была. В самом центре озера остров находился, небольшой, метров десять на пятнадцать, на полметра над уровнем воды возвышаясь. А на нем с полдесятка сосен росло, уже достаточно больших. И как только они выживали, когда уровень воды выше их поднимался? Не знаю... Но ведь не может в середине кратера вдруг ни с того ни с сего вырасти островной выступ, а ведь высота-то у него была не маленькая. Помните, что местные говорили про сотни метров глубины? Но тогда я просто заметил этот остров, что он есть, а про глубину – это сейчас пришло. Хотя...

– До уровня воды спустился я вниз метров на двести, если считать по вертикали. А так как склоны впадины безлесными были, получалось, что время от времени воды озера поднимаются на эти сотни метров вверх. Когда спустился вниз, понял, что, конечно же, это был уровень не воды, а покрывшего ее льда. Решил я сперва дойти до острова, а затем взять чуть правее и гору у дальней оконечности озера обойти боком. У берега топором прорубил небольшую прорубь – толщину льда, на всякий случай, проверил. Сантиметров тридцать, никак не меньше, грузовики можно посылать. И отправился я вперед, держа ориентир на остров. А лед – чистоты такой, что я в жизни не видал: чистый, прозрачный, ни одного пузырька. Слово стекло. Дно через него видно. И подумал я тогда, что обманули местные. Какая, к черту, глубина, если дно – вот оно, рядом? И это при том, что я знаю об обманых свойствах чистой воды и льда. Но здесь это почему-то не срабатывало. Волчара быстро ко льду приноровился и скоро снова носился по сторонам, смешно загребая лапами на скользких поворотах. Так мы добрались почти до самого острова. Оставалось всего ничего. И вот тут все и началось.

Никодимыч немного помолчал, будто собираясь с мыслями.

– Волчара отбежал в сторону шагов на пятьдесят, но вдруг резко, словно включил все тормоза, остановился и даже проехал вперед на негнущихся ногах. Я не смотрел прямо в ту сторону, но боковым зрением уловил эту остановку и повернулся. Собака замерла на месте. Шерсть на ней стояла дыбом, уши были прижаты к голове, хвост поджат между ног, как собаки это делают от страха, а голова почему-то опущена вниз. Вдруг Волчара встрепенулся, дико завизжал и, сорвавшись с места, со всех ног бросился ко мне. Это был визг смертельно испуганного животного, подвергающегося чудовищной опасности. Вы слышали, как кричат зайцы, будучи уже в зубах собаки или волка, когда клыки вонзаются в их еще живые тела? Так здесь было намного громче и ужаснее. Увиденное поразило меня настолько, что я даже остановился. Волчара с визгом мчался со всех ног, до меня ему оставалось шагов двадцать, как вдруг что-то темное и огромное мелькнуло под моими ногами, а затем лед под собакой словно взорвался, швырнув ее на добрый десяток метров вверх. Куски льда полетели в разные стороны, а из образовавшейся пробоины вверх на три моих роста высунулось огромное темно-коричневое

немного изогнутое туловище какого-то существа. Я никогда ни до, ни после, ни на одной картинке не видел подобного ему. Это оказалось не туловище, а голова, сплюснутая, как у лягушки, диаметром метра в три, если не больше, на мощной, немного уступающей диаметру самой головы, шее. Сверху у головы был голый костяной нарост наподобие широкой толстой выгнутой дугой вверх пластины. Этим наростом существо, видимо, и пробивало толстый лед, словно это был тонкий бумажный листик. Голова и шея словно струпами покрыты. Под наростом, по краям головы, сверкали огромные немигающие глаза в обрамлении каких-то безобразных кожаных складок. Глаза в упор уставились на меня, словно гипнотизируя, а затем взметнулись вверх, где, по-прежнему визжа, летел Волчара, а под глазами распахнулся рот, полный неровных длинных острых зубов. Рот был ну просто огромным... Змеи, как известно, могут глотать свою добычу, даже если она намного превышает их по размерам, за счет устройства своих челюстей. Видимо, что-то подобное было и у этого существа. Оно распахнуло рот, который далеко вылез нижними углами за пределы самой головы, и резко запрокинуло голову. Бедная собака угодила прямо в распахнутую пасть, и существо сомкнула челюсти. Визг сразу прекратился, наступила ударившая по ушам тишина. И в ней было слышно, как трещат собачьи кости на зубах мерзкого создания. На лед упала часть задней ноги Волчары, оказавшаяся за пределами огромного рта и словно пилой отделенная от туловища собаки. Вид окровавленной морды чудовища был ужасен, человеческое сознание не подготовлено к такому. А ведь над поверхностью льда возвышались только голова и часть шеи. Каких же, видимо, громадных размеров было туловище! Чудовище выходило далеко за рамки человеческого восприятия...

– В следующее мгновение я обнаружил себя со всех ног бегущим к близкому острову. Я думаю, что любой другой человек при взгляде на ужасную кровожадную тварь впал бы в ступор, но у меня движения частенько идут быстрее, чем включается сознание. Это, конечно, недостаток, раньше надо бы думать, а затем делать... Но не в этом случае! Сзади, где осталась тварь – я буду в дальнейшем так ее называть – раздался громкий треск льда и сразу за ним хлопанье воды, словно кто-то жадно, с придыханием, лакал ее. На бегу я через плечо оглянулся: на поверхности повсюду валялись обломки льда, твари не было видно. И тут мощный толчок снизу подбросил меня вверх. Кувыркаясь, я взлетел, а вместе со мной полетели вверх обломки льда, точно так же, как до этого у несчастного Волчары...

Никодимыч прикрыл глаза, по лицу его побежали тени, казалось, что он снова переживает тот ужасный случай. Уже вечерело. Звонко, на все голоса пело вездесущее комарье, правда, держась на порядочном расстоянии от костра, в который то и дело подбрасывали мокрую хвою и можжевельник, дымом и ароматом отпугивая полчища кровососов. Небо понемногу заполнялось точками далеких звезд.

– Как же ты уцелел-то, Никодимыч? – спросил один из стажеров.

Тот вздохнул и сменил позу: сел, обхватив колени обеими руками.

– На тот момент я еще и не подозревал, что от ответа на этот вопрос – как я уцелел – зависело, жить мне или погибнуть в пасти этой твари. Осознание этого пришло позднее... Окончательно пришел я в себя на острове, куда вылез на четвереньках, проползая оставшиеся до него метры, вдоволь накувыркавшись до этого по льду. Двустволки не было – видимо, сорвало, когда в воздухе вверх тормашками летел. Но она оказалась единственной потерей. Топор остался за поясом, и даже ни одна бутылка водки в мешке не пострадала. А мешок я нес, закрепив его на плечах наподобие рюкзака – что ему делается?

– Взглянул я на озеро – а на том месте, откуда меня подкинуло, изо льда торчит мерзкая страшная рожа, в упор на меня глядит своими огромными глазищами и изредка зубы кинжаловидные показывает, словно говорит: ты все равно мне достанешься! Заполз я в самую серединку острова, к соснам, там растущим. И начало меня трясти, словно от холода. Откупорил я тогда одну из бутылок и влил в себя половину ее, а немного погодя и другую половину. Словно воду простую пил, не подействовала она на меня совершенно. Но голова понемногу в норму при-

ходить стала. Подумал я, что надо было бы костер развести, согреться самому, а тварь огнем шугануть. Взял себя в руки и начал срубить одну из сосен. Тем временем тварь, снова уйдя под лед, начала куролесить вокруг острова – то с одной стороны его лед вверх подлетит, то с другой, словно показывая, что никуда мне отсюда не уйти, она меня с любой стороны достанет, если я в бега пушусь. А затем снова высунулась и замерла, пристально на меня глядя. А я словно на нее и внимания не обращаю, машу себе топором. Осина, наконец, упала, была она не сильно толстой, но и не тонкой, с бедро человека. Я ее довольно быстро завалил. Скоро уже и вечереть должно было. И тут меня словно обухом стукнуло. Увидел я, бросив взгляд, что тварь эта не на меня смотрит, а немного в сторону, и понял, отчего это. Понял, что ночью она видит прекрасно своими огромными глазами, а днем солнце ей видеть мешает. Понял, что я ведь не знаю, может ли она передвигаться по суше, вполне возможно, что так оно и есть. И ночью выгонит она меня с острова на лед, а там я уже никуда не денусь. И жить мне, следовательно, при таком раскладе, только до наступления темноты. Ну, а если и не умеет она по земле ходить, то и в этом случае мне не спастись. Ведь искать меня начнут не ранее, чем через неделю, когда обоз в лагерь придет, а меня с ним не будет. И даже если сразу и пойдут искать к Чудь-озеру, то пяти сосен, имеющихся в наличии, мне для обогрева и на два дня не хватит, тем более на неделю. А морозы по ночам, как я уже говорил, стояли нешуточные... В общем, как не крути, выходило, что надо было мне по любому пропадать. И такое зло тогда меня взяло! Готов был тут же на эту тварь с топором идти. А голова все же лихорадочно работала в поисках выхода.

– И вот тут я вспомнил и как летел вверх Волчара, и тень, мелькнувшую до этого подо мной, и понял, почему я еще жив. А когда понял это, тут же сложился план, как спастись от поганой твари, и, может, если не убить ее, то здорово покалечить, если получится. Я понял, что тварь первоначально охотилась не за собакой, а за мной, ведь я больше, крупнее, а для нее, огромной, это немаловажно. Но я остановился, а Волчара бежал, и она, потеряв меня из виду, атаковала движущийся предмет – собаку, ударив лед снизу-вперед, на встречающих с ней курсах. Поэтому Волчара и взлетел вертикально вверх, словно на стенку наткнувшись. Меня же затем она атаковала у берега, мало места-то ей было. Ударила она лед снизу не встречно, а прямо подо мной, но я бежал, и не полетел вверх, как она задумывала, а по инерции вперед, туда, где мелководье уже было. Ей с ее плохим дневным зрением было уже меня не достать.

– Итак, получалось, что поганая тварь нападает раньше на движущиеся предметы, которые больше в размерах, и при этом плохо видит днем. Вот эти особенности и надо было использовать для спасения. Ни до, ни после, никогда я не работал с такой скоростью, как в те оставшиеся до захода солнца часы, ведь от того, успею я или нет, зависела моя жизнь. Я срубил три сосны, из их самых толстых частей вырубил три бревна, метра по два с половиной каждый, и заточил все их концы. А затем, немного подрубив середины, сделал из них конструкцию, копию противотанкового ежа, когда два рельса крестом сваривают, а третий к ним серединой вертикально прикрепляют. Место соединения накрепко веревкой закрепил, навив ее виток за витком. И дополнительно скрепил все это гвоздями. А также набил гвозди в концы бревен так, чтобы они во все стороны острями торчали. Конструкция получилась хоть куда, крепкая, то, что было нужно, но тяжелая, деревья-то были не сухими и достаточно толстыми. С трудом перекаптал я ее на самый край льда и поставил на заготовленные три небольшие чурочки, как на лыжи. А затем я разделся, снял исподнее, и брюки вторые, и рубашку. Готов был все, что у меня было, сюда навесить. Холода я не замечал, просто частью сознания понимал, что совсем без одежды нельзя, замерзнешь. И все, что я снял, надел как можно шире на конструкцию свою, словно это что-то широкое и большое. А тварь тем временем исчезла куда-то, и не видно ее стало.

– Толкнул я конструкцию, и покатила она по льду в направлении, куда я ранее направляться думал – в бок от горы. Шел настороже, все время вниз поглядывая, молясь про себя, чтобы успеть движение вниз засечь. Солнце должно было вот-вот на деревья сесть, и уже

больше половины пути по льду прошел я, толкая спереди свою конструкцию, когда прямо под ногами разглядел огромную темную массу, вверх стремящуюся. И тогда я изо всей силы толкнул конструкцию вперед, а сам застыл на месте без движения. Кажется, даже дышать перестал. Быстро заскользила та вперед, постепенно сбавляя скорость, вот-вот готова уже была остановиться, как и лед под ней, и она сама взлетела высоко вверх, а изо льда уже торчала огромная голова с открытой зубастой пастью. Конструкция рухнула прямо в пасть. Раздался хруст, но показалось мне, что дерево не так хрустит, как в тот раз. Похоже, крепко достал я ее своей придумкой... Дикий рев вырвался из пасти. Голова, извергая потоки кровавой пены, начала мотаться из стороны в сторону, а затем рухнула вниз. Из-под льда вверх взметнулись потоки воды, едва не сбив меня с ног. Я бросился бежать к берегу, а сзади раз за разом трещал лед, время от времени снова раздавался дикий рев пробивающей его твари... Позднее понял я, что дно-то я видел, а вот что близко казалось мне оно, то обман зрения был из-за чистоты воды и льда. Глубоко было там на самом деле, очень глубоко. И твари надо было время, чтобы из той глубины поверхности достичь. Поэтому и увидел я ее, и приманку запустить успел.

– А я, не оглядываясь, мчался дальше и дальше. И, даже выскочив на берег, не сбавил скорость. Тридцать с гаком верст до лагеря я пролетел, как говорится, на одном дыхании. И только там упал в изнеможении и сразу же уснул. Проспал, как убитый, двое суток подряд. А когда проснулся, мне рассказали, что я влетел в лагерь в мокрых валенках, пьяный, а от меня за версту разлило водкой. Одежду и валенки обледеневшие с меня ножом срезали. Вот тогда я и отморозил пальцы на ногах. Врача-то у нас не было, и когда пришел за нами обоз, ходить я уже почти не мог. В поселке же был фельдшер, как это водится, мастер на все руки. Он и отрезал у меня отмороженные пальцы. Потом говорили, что сделал это грамотно и, главное, вовремя... И еще одна приметная отметина осталась у меня с той поры: когда я проснулся через двое суток, поднесли зеркало, и увидел я, что волосы мои стали белые-белые. Удивлялись все потом, как такое могло в одночасье случиться. Однако, когда я заикнулся было о твари на Чудь-озере, то сказано было мне – ты пей меньше, вот и не будет таких видений у тебя... И тогда я перестал упоминать кому бы то ни было об этом случае. Вы первые, кому я рассказываю со всеми подробностями.

Потрясенные рассказом, слушатели некоторое время молчали.

– А что, так и не проверили, правду ли ты говорил? – наконец, нарушил тишину один из стажеров.

– А как же, проверили, – криво усмехнулся Никодимыч, – да только из той проверки ничего не вышло... За день до того, как к нам обоз пришел, побывали там двое ребят. Взяли зимние удочки с собой, коловорот, думали, заодно рыбки наловить. И рассказывали, что вышли на лед, пробурили первую же лунку, и в них поджилки затряслись. Потому, как стояли-то они на льду, а под ним пропасть безводная была. Такая обманка обычно у берега бывает. Становишься на лед, а под ним воды нет, пустота, значит, вода ниже стоит, и проваливаешься вниз. Опасное место... Ребята с перепуга на пузо сразу упали и погребли было так к берегу, совсем рядом с ним были, но все же себя пересилили и решили уточнить, сколько же там до воды. Две лески связали, каждая по полсотни метров была, а все же до воды не дотянулись. Так и пришли назад ни с чем... А за утерянное ружье у меня, конечно, вычли из получки, да еще и выговор влепили.

– Никодимыч, – спросил внимательно слушавший начальник партии, – а ты слышал, чтобы потом кто-нибудь еще на том озере побывал?

– Зачем мне слышать? – снова криво усмехнулся тот, – я сам там был через три года после этого, хотел спасибо тому фельдшеру сказать и гостинец ему отдать. Ружье купил хорошее по случаю.

– Ну и что? – не удержался кто-то из стажеров.

– А ничего!

– Как ничего?

– А так, не осталось там ничего, вообще ничего, нет ни поселка, ни озера, ни тайги. Некому отдавать-то было.

Начальник партии даже привстал с места: – Что-то ты заливаешь, Никодимыч, как это может быть, что ничего нет?

Бригадир укоризненно покачал головой.

– Здесь все правда, от начала и до конца, – тихо сказал он, – я ведь говорил, что гора там была, на берегу. С червоточиной она оказалась. Через два года после случая этого, за год до того, как я снова там побывал, случилось в тех краях несильное землетрясение. Может, всего-то раз землю и тряхнуло. Обычное дело. А сущность его последствий мне потом очень просто один ученый человек разъяснил.

– Вот представь, – сказал он, – шайку, в которую наполовину вода залита. Возьми, опусти вертикально в нее ладонь хотя бы наполовину и быстро двинь вперед. Что будет?

– Вода выплеснется, – ответил я.

– Вот подобное случилось и тут, только масштабы были другие. Гора-то слоеная была, словно пирог какой, только про это никто еще не знал тогда. Это уже после открылось. А нижние слои глинистые были, водой напитавшиеся, и с уклоном в сторону Чудь-озера. И, видимо, окончательную меру воды в то лето приняли. И заскользила гора по глине, как по маслу, от легкого толчка. Землетрясение сбросило гору в озеро. Она сработала, как ладонь, только воды было в миллионы раз больше. Поток высотой в сотни метров перехлестнул через край впадины и понесся вниз, сметая все на своем пути, катя камни, захватывая грязь и песок. Больше полусотни верст тайги он уничтожил начисто по всему немаленькому фронту. И на пути его и, к несчастью, достаточно близко оказался поселок. Мало того, что никто не уцелел, вообще не нашли потом из него ни одного тела, стерло в порошок вместе со всеми постройками и живностью. А впадину, где Чудь-озеро находилось, та гора засыпала полностью. Вот и осталось тайной для меня, откуда взялась там эта тварь, как сумела выжить, ведь еды ей, пожалуй, надо было ой как много, а озеро-то было временами не шибко большое...

Никодимыч зябко, словно ему внезапно стало холодно, повел плечами, встал и медленно пошел прочь.

Слушатели его необычного рассказа молча и задумчиво смотрели на пляшущее пламя костра.

– Что-то я нигде не читал про такое происшествие с целым поселком, – осторожно сказал кто-то из стажеров.

– А разве у нас про такое напишут? – тихо ответил начальник партии, – это там у них, – он кивнул головой куда-то в сторону, – и землетрясения, и самолеты падают, и корабли тонут, а у нас всегда тишь да гладь...

Потрескивали поленья в костре, искры весело уносились в ночное звездное небо...

Катастрофа

1

От удара ногой дверь, жалобно скрипнув, распахнулась и с силой врезалась в косяк, едва не соскочив с петель. И человек, отвесивший ей здоровенного пинка, удовлетворенно хмыкнув, нетвердо ступая, перешагнул порог, оказавшись в небольшой комнате на третьем этаже самого дешевого отеля. Судя по всему, его нисколько не смущали ни обшарпанные стены, оклеенные плохими обоями, ни облезлый пол, ни загаженное мухами окно, завешанное не жалюзи, а по старинке, гардиной, когда-то белой, а сейчас давно не стиранной, грязно-серой, создающей полумрак при ярком солнце, бьющем прямо в оконный проем. Человек просто не обращал на все это внимания. Поэтому завершим сами печальный список, присущий дан-

ному помещению. Потолок, когда-то белый, теперь был тоже грязно-серым, в черных точках от мух, со свисающими по углам нитями паутины, которая, кроме этого, щедро накрутилась на простую люстру с одной неяркой лампочкой. Из мебели в комнате находились не застеленная кровать у одной из стен с криво наброшенным поверх полосатого матраса одеялом и плоской подушкой. У изголовья стояла тумбочка с поцарапанной дверцей, а у другой стены кривобокий шкаф и маленький столик с початой бутылкой и колченогим стулом, задвинутым под него. Рядом с изголовьем кровати располагался торшер с прожженным абажуром. Из-под кровати выглядывали горлышки нескольких лежащих на боку пустых бутылок. Интерьер завершали холодильник да панель небольшого телевизора в углу. Все в комнате свидетельствовало о том, что человек, здесь обитающий, находится на одной из низших ступенек социальной лестницы общества. В комнате, кроме входной, была еще одна небольшая дверь, ведущая в туалет, совмещенный с маленькой душевой кабиной. Грязные давние потеки на полу свидетельствовали, что душевой кабиной последний раз пользовались, по крайней мере, месяца два-три тому назад.

Лишь две детали выпадали из интерьера, присущего данной жилой комнате. Одной из них было большое, размером метр на полтора метра, изображение, висящее над кроватью, запечатлевшее редчайший космический пейзаж – восход сразу двух больших лун на звездном небе над планетой, покрытой живописными обломками камня, к которым подбирался язык раскаленной огненно-красной лавы, извергающийся из недалекой расщелины. Вдали видны были правильные конусы нескольких вулканов, выбрасывающих огненные столбы высоко в небо. А на обломках стояло несколько фигурок в серебристых скафандрах, наблюдающих за движением лун.

На первый взгляд этот нереальный пейзаж казался нарисованной художником-фантастом картиной, иллюстрацией к какой-нибудь придуманной книге о дальнем космосе. Однако, при ближайшем рассмотрении, оказывалось, что это вовсе не картина, а взятая в рамку застекленная фотография, отражающая вполне реальное, существующее на самом деле место и событие.

А сбоку от фотографии на криво вбитом в стену большом гвозде висела небольшая также застекленная рамка, как и оконное стекло засиженная мухами, в которую вставлена была глянцева бумага с цветными надписями. Сверху на бумаге красивым шрифтом большими буквами было напечатано: «Диплом». А ниже написано о том, что его обладатель получил диплом космолетчика космического патруля в академии космофлота.

Этот диплом, как и фотографию, в первый же день своего заселения в отель повесил снявший комнату постоялец. В отеле никого не интересовало, кто снимает номера, откуда у него средства, чтобы оплачивать их, чем он занимается, как одет и когда уходит и приходит. Главное было, чтобы постоялец вовремя вносил плату. Остальное владельца отеля не интересовало, иначе он бы с удивлением обнаружил абсолютное совпадение имени и фамилии постояльца и имени и фамилии, внесенных в диплом, свидетельствующий о получении редчайшей чрезвычайно высоко оплачиваемой профессии, дающий право его обладателю первым ступить в новые миры. Такой диплом являлся предметом зависти миллионов мужчин планеты и обожествления его обладателя миллионами женщин, готовых на все по одному его знаку. И хозяин отеля немало подивился бы тому, что обладатель такого диплома снял комнату в его обшарпанном заведении.

Вошедший в комнату человек и был этим постояльцем. Ему можно было дать за пятьдесят лет на вид, и он был существенно выше среднего роста. Постоялец стоял у двери, покачиваясь, в мятой рубашке, таких же мятых штанах и стоптанных башмаках, с нависающими на глаза засаленными, давно не расчесываемыми, когда-то светлыми волосами. Помятое лицо не оставляло сомнения в том, что он давно и надежно подружился со спиртным. Посоловевшими глазами, свидетельствующими о свидании незадолго до этого с содержимым по крайней мере одной из бутылок, постоялец обвел взглядом помещение. Узрев на столике недопитую выпивку, он направился прямо к ней, не забыв снова дать мощного пинка распахнутой двери,

от которого та, снова врезавшись в косяк, отскочила назад и не закрылась, оставив широкую щель в дверном проеме.

Добравшись до столика, постоялец ухватился за бутылку и поднес ко рту, высасывая остатки какого-то дешевого вонючего пойла (ни на что более дорогое средств у него не было). Одновременно, не глядя, ногой выдвинул стул и взгромоздился на него. Опорожнив тару, он с трудом встал со стула, зашвырнул под кровать очередную бутылку, не заботясь, разобьется она или нет, и полез в холодильник, но искомого там не оказалось. Тогда он добрался до шкафа, из которого извлек очередную бутылку. Чмокнула вылетевшая пробка, и он, плюхнувшись обратно на стул, поднес ее ко рту, намереваясь сделать глоток прямо из горла, несмотря на то, что пустой стакан стоял тут же, на столике.

И в этот момент раздался негромкий стук в дверь. Не донеся бутылку до рта, держа ее на весу, постоялец повернулся к двери. Он никого не ждал, да и никто из редких знакомых не знал, где он обитает. Стук повторился.

– Не заперто! Кого еще черт принес? – пьяным голосом выкрикнул постоялец.

Дверь отворилась, и в нее вошел такой же высокий, как он, человек в черно-синей форме космического патруля с золотыми знаками различия командира звездолета. Его лицо и руки были покрыты несмываемым красно-желтым загаром, который невозможно получить ни на одном курорте Земли, а только от жесткого излучения космического пространства, проведя там многие годы. На вид ему было лет тридцать пять, и серебристые короткие волосы не были следствием раннего поседения, а, скорее, каких-то иных процессов, связанных с нахождением в глубинах космоса. Лицо было правильное, открытое. В глазах сверкали золотистые неземные искорки.

Он остановился у входной двери.

– Здравствуй, Фрэнк Сторм, – спокойным голосом сказал вошедший.

Бутылка выпала из руки постояльца и покатила по столу, разливая содержимое, и в его висках застучало, словно там заработал отбойный молоток.

– Что же ты не здороваешься? – спросил вошедший, глядя сверху вниз на по-прежнему сидящего хозяина комнаты, который и хотел бы встать с места, но тело не слушалось его. Не потому, что он был пьян. Как раз он находился в привычном своем состоянии. А потому, что эта встреча вывела его из состояния пьяного равновесия, заставила нервы сжаться в комок, парализуя тело.

– Здравствуй и ты, Эдвард Шеннон, – наконец справившись с собой, все еще сидя (ноги окончательно перестали работать), сказал постоялец, не поднимая глаз. Он схватил бутылку и поставил ее на столик, удерживая рукой.

За секунды перед его внутренним взором промчалось то, что предшествовало неожиданной встрече.

2

Чуткая аппаратура «Меридиана», большого трансзвездного корабля, уловила слабые сигналы, передаваемые на аварийной волне. Определив место источника сигнала, корабль изменил курс. И спустя некоторое время обнаружил дрейфующую в космосе маленькую спасательную капсулу. Топлива на борту у нее давно уже не осталось. Энергоснабжения, получаемого от нескольких аварийно выпущенных панелей солнечных батарей, хватало лишь на то, чтобы изредка отправлять маломощный сигнал о помощи и поддерживать в рабочем состоянии кабину для анабиоза, в которой спасатели, отправившиеся на капсулу, обнаружили истощенного, но живого человека. Капсулу с находившимся в анабиозе человеком взяли на борт превосходящего ее во много раз размерами «Меридиана». И трансзвездный корабль, изменив маршрут, направился к ближайшему космопорту. По надписям на капсуле было определено, что она принадлежала исследовательскому кораблю космического патруля «Улисс»,

направлявшемся в отдаленный сектор галактики с экипажем в составе двух человек, командира Эдварда Шеннона и бортиинженера Фрэнка Сторма. Оба не были новичками, имели стаж работы в несколько лет и до этого полета уже приняли участие в нескольких экспедициях как в составе больших групп, так и в паре. Даже встречались оба с одной и той же девушкой, Эйлин Моур, дочерью ректора академии космофлота. Год назад пришло последнее сообщение с «Улисса», в котором экипаж сообщал о небольшой неполадке в системе противометеоритной защиты и о том, что экипаж, консультируясь со специалистами, может устранить неполадку собственными силами. В это время исследовательский корабль находился в редкой зоне «мертвого» космоса – в ней не было ни метеоритов, ни космической пыли, которой обычно буквально забито межгалактическое пространство. Даже излучение по каким-то не выясненным до конца причинам в этой зоне ослаблялось в несколько раз. По общему мнению астронавтов, зона являлась скучнейшим местом пространства. Был организован радиомост специалистов противометеоритной защиты с членами экипажа «Улисса». Один из членов команды исследовательского корабля, Эдвард Шеннон, работал на внешней его обшивке, другой, Фрэнк Сторм, также в скафандре, работал в шлюзовой камере, передавая необходимые для ремонта материалы. Когда работы по наладке защиты уже близились к завершению, «Улисс» внезапно и надолго замолчал, затем было принято чуть слышное еще одно короткое сообщение, и больше он уже не выходил на связь. Спасательные звездолеты, направленные в этот сектор космоса, обшарили все, что только было можно, каждый миллиметр пространства. Все было напрасно. «Улисс» бесследно исчез. Его безрезультатно искали три месяца. Затем, ничего не найдя, поиски свернули. А «Улисс» и его экипаж стали еще одной строкой в списке звездолетов, бесследно поглощенных бездонным космосом, который с трудом расставался со своими секретами, беря с людей плату за их раскрытие, плату звездолетами и жизнями астронавтов.

И вот через год с небольшим после исчезновения «Улисса» обнаружилась спасательная капсула с человеком, которого постепенно вывели из анабиоза. Уже было известно, что спасенного зовут Фрэнк Сторм. Вскоре он уже мог говорить. И, еще лежа на больничной койке и с трудом ворочая языком, он попросил привести к нему командира «Меридиана», которому рассказал о том, что случилось с «Улиссом».

На корабле произошел сбой в аппаратуре слежения за метеоритной обстановкой. Пока ее ремонтировали и отлаживали, произошло столкновение с большим оказавшимся на пути астероидом. На «Улиссе» было двое исследователей. Второго звали Эдвард Шеннон. Оба исследователя дружили еще со школы, дружба продолжилась в академии космофлота, они всегда были вместе. Эдвард погиб сразу же. Он был в момент столкновения снаружи корабля в районе отсеков, разрушенных при столкновении, по которым пришелся основной удар. По чистой случайности уцелела одна спасательная капсула. Фрэнк включил автоматику капсулы, лег в кабинку и погрузился в анабиоз.

Выслушав его, командир «Меридиана» сказал несколько дежурных фраз, а после немедленно связался с базой космофлота, передав записанный на диктофон рассказ спасенного. Командиру категорически запретили спрашивать его еще о чем-либо и приказали под предлогом карантина до минимума ограничить контакты спасенного с экипажем звездолета вплоть до прибытия в космопорт.

В космопорту Фрэнка встретили молчаливые люди и отвезли его в специальный закрытый санаторий, пояснив, что длительное пребывание в космосе могло негативно сказаться на его здоровье, и, кроме всего, он мог стать источником каких-нибудь неизвестных болезней. Даже телевизионные передачи и те разрешалось смотреть ему только в строго дозированном виде. Через месяц карантина Фрэнк окончательно пришел в себя и даже немного отъелся. И только тогда в сопровождении двоих сотрудников санатория его в отдельной каюте рейсового

звездолета отправили на базу космофлота для того, чтобы он лично рассказал о последних мгновениях «Улисса».

В гулком коридоре огромного здания, по старинке называемого базой космофлота, которое являлось центром, куда стекалась информация обо всех звездолетах, где бы они не находились, и откуда осуществлялось общее руководство межзвездными перелетами, было пусто и прохладно. Фрэнк в сопровождении одного из сотрудников базы направлялся в большой зал, где должен был предстать перед дознавателями, как вдруг из-за угла навстречу ему вышла Эйлин, с которой ему за прошедшее время ни разу не дали поговорить, как он ни стремился сделать это.

– Эйлин! – крикнул он, – как я рад тебя видеть!

Она остановилась напротив него, глядя ненавидящим взглядом.

– Эйлин, – он схватил ее за руку, – поверь, я ничего не мог сделать и сам чуть не погиб!

– Отойди от меня, мразь, – коротко бросила она, отстраняясь и убирая руку.

– Госпожа Моур! – предостерегающе сказал сопровождающий.

– Я знаю! – резко бросила девушка.

Лицо ее потемнело. Эйлин стремительно повернулась и, звонко стуча каблучками, не оборачиваясь, пошла прочь.

Ничего не понимая, не ожидавший такой ее реакции, Фрэнк, пожав плечами, последовал за сопровождающим, который в продолжение этой сцены стоял в стороне.

Сопровождающий завел его в большой зал и указал на стул, стоявший в центре небольшой площадки. Фрэнк опустился на него и огляделся. Прямо перед ним сверху вниз амфитеатром опускались трибуны, заполненные людьми в форме капитанов космофлота. Их было много, очень много. А прямо перед ним была трибуна, на которой он узнал самых уважаемых людей в космофлоте – командира базы, ректора академии, которую Фрэнк закончил, отца Эйлин, и еще несколько заслуженных капитанов звездолетов. Впервые неприятный холодок прошел по спине Фрэнка. Он ранее был уверен в своей неуязвимости, но встреча с Эйлин разрушила первые бастионы его уверенности, а теперь, когда он увидел напротив себя сосредоточенные лица командиров звездолетов, от былой уверенности не осталось и следа.

– Она сказала, что знает. А что она знает, что имелось в виду? – задавался Фрэнк вопросом, не находя ответ.

В наступившей тишине слова командира базы о том, что звездный трибунал собрался, чтобы заслушать лично Фрэнка Сторма, одного из участников экспедиции на исследовательской ракете «Улисс», спасшегося после катастрофы, и о принятии решения по результатам его опроса, прозвучали для Фрэнка громом среди ясного неба. Он ожидал опроса дознавателями, но что это будет трибунал с участием множества капитанов, он и в страшном сне не мог себе представить.

После нескольких рутинных вопросов о том, кто он такой, об образовании, семейном положении, на которые Фрэнк смог ответить, только выпив половину большого стакана воды, командир базы перешел к вопросу, для решения которого собралось заседание трибунала.

– Расскажите об аварии, – потребовал он.

И Фрэнк почти слово в слово повторил то, что он рассказывал командиру «Меридиана». Что они врезались в астероид, и что Эдвард погиб сразу же.

– Вы видели тело своего напарника после его гибели? – спросил ректор академии, сидевший по правую руку от командира базы.

– Да, я вытащил его из-под обломков. Он был совершенно раздавлен ими, и я не мог взять с собой его тело, в капсуле нет приспособленного для этого помещения, и оставил его там, среди обломков.

Капитаны зашумели было на трибунах, однако быстро замолчали, повинувшись взмаху руки командира базы.

– Тогда как вы объясните вот эту радиограмму, – продолжил ректор.

Из динамиков, установленных вдоль периметра зала, послышался шорох, треск и сквозь него пробился слабый голос Эдварда:

– Внимание! Говорит Эдвард Шеннон, капитан исследовательского звездолета «Улисс», потерпевшего крушение в открытом космосе после столкновения с астероидом. Еды, воды и кислорода хватит еще на шесть месяцев. Бортинженера Фрэнка Сторма я отправил в уцелевшей капсуле за помощью. Координаты астероида...

Голос замолчал. Фрэнк просто физически чувствовал в наступившем всеобщем молчании давление взглядов всех находившихся в зале людей.

– Откуда эта запись? – охрипшим голосом спросил он.

– Она пришла через три месяца после того, как замолчал «Улисс». И через два месяца после того, как вы оказались на борту капсулы, – пояснил ректор, – с тех пор не было больше ни одной передачи. Место в пространстве, откуда велась передача, засечь не удалось, так как источник сигнала перемещался с субсветовой скоростью, слишком быстро. До сих пор причина этого остается загадкой. Может быть, вы поясните нам?

– С чего вы взяли, что через два месяца? – сжав зубы, чувствуя, выступившую на лбу испарину и как холодная струйка сползает по спине, спросил Фрэнк.

– Об этом сказала аппаратура объективного контроля. Она записывала все параметры вашего нахождения в капсуле, и, согласно ее записям, вы улетели через месяц после катастрофы. Под предлогом, что это произошло во время аварии, вы уничтожили известные вам приборы объективного контроля. Однако не подозревали, что в исследовательских кораблях космического патруля имеются скрытые приборы с аналогичными функциями, о которых ничего неизвестно их экипажам. Это делается для безопасности планеты, на случай, например, если экипаж патруля попадет в зависимость от инопланетного разума.

Фрэнк молчал, весь обливаясь холодным потом.

– Вы же говорили, что он погиб и что вы сами видели его тело, а он в это время был жив. И, не надеясь спастись, зная, что вы сбежали в капсуле, и что, если вам удастся уцелеть, последует расследование, как вы оказались в ней, он из благородства пытался выгородить вас, передав, что это он послал вас за помощью! – жестко заговорил один из капитанов со множеством нашивок, сидящий по левую руку от командира базы, – единственное, что он не учел, так это то, что вы начнете выдавать свою версию случившегося раньше, чем успели узнать про радиограмму!

– Мне нечего сказать, – выдавил Фрэнк.

– И вы знали, что он был жив, когда трусливо сбежали на случайно вами же найденной спасательной капсуле, ведь вы были с Эдвардом Шенноном вместе еще месяц после крушения!

Фрэнк молчал, опустив голову. В зале царила мертвая тишина.

– Выйдите и подождите решения трибунала за дверью. Вас позовут, – наконец, раздался голос командира базы.

Фрэнк с трудом, на подкашивающихся ногах, вышел из зала и рухнул на стоявший у стены стул. Голова была наполнена непрерывным звоном. И сквозь звон прорывались отдельные горькие мысли. Эйлин тоже знала о радиограмме. Как он мог так поспешить, выдавая свою версию случившегося на астероиде, не узнав, что про аварию известно здесь? Единственная ошибка, собственная спешка оправдаться погубила его!

Через короткое время Фрэнка вызвали в зал.

– Мы не можем обвинить вас в убийстве, хотя вы и способствовали этому, сбежав на спасательной капсуле и оставив напарника без дополнительных ресурсов кислорода, пищи и воды, – сказал командир базы, – но мы обвиняем вас в лжесвидетельстве и в том, что вы бросили в беде товарища. А это самые большие преступления для нас, звездолетчиков, к числу которых вы недавно относились. И вы прекрасно знаете это.

Приговор трибунала все присутствующие выслушали стоя. Единогласным решением его участников Фрэнк навсегда отстранили от полетов и лишили права пользоваться свидетельством космолетчика.

Трибунал был закрытым, но дело, рассматриваемое на нем, было настолько редким, что правда об истинной роли Фрэнка Сторма в событиях на далеком астероиде скоро выплыла наружу, и о ней узнали все. И тогда для него начался суший ад. Общество объявило Фрэнку негласный бойкот, хотя никто не говорил об этом вслух. С тех пор он сменил много мест работы. Его увольняли сразу же, как только кто-либо узнавал его в лицо. И все чаще он вообще не мог найти работу. Ему отказывали под любым предлогом. Отказывали всюду, куда он только ни обращался. Он перебивался случайными заработками на неквалифицированной работе. Постепенно стал нелюдим. А однажды он нашел способ ухода из этого мира с помощью крепких напитков. И с тех пор они стали неременной частью его жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.